

Роминсон Т. М. 1986/III

диалог с самим собой

СКАЖИ-КА, ДЯДЯ, ВЕДЬ НЕДАРОМ...

Мальчик стоял перед театром и плакал. Его слезы остановили одного взрослого, шедшего мимо. «Что плачешь, малыш!» — спросил взрослый. «Хочу в театр». Взрослый взял его за руку и повел к входу в фойе. «Пропустите его на спектакль», — сказал он билетеру. — Он будет артистом». Этот великодушный покровитель оказался великим актером Михаилом Чеховым. А мальчик — Гоша Роминсон, или теперь заслуженный артист РСФСР Готлиб Михайлович Роминсон, старейший актер Московского театра на Таганке.

Я навестила артиста у него дома, в маленькой квартирке, богатство которой состоит из театральных афиш и фотографий деятелей искусства с дружескими надписями хозяину. Роминсон принимал поздравления с 70-летием. Был взволнован, перечитывал телеграммы, письма и открытки, что-то говорил сам себе. Я записала его диалог с самим собой, и получилось вот это автоинтервью:

— В каждом деле интересно начало, в котором многое видно по прошествии времени, не правда ли, Готлиб Михайлович?

— Что же так официально? Мы знакомы с тобой уже 70 лет, можешь называть меня просто Гошей.

— Так что же, Гоша, ты вспоминаешь сегодня?

— День, который должен был стать днем моего провала, а стал днем триумфа. Мы, студенты-второкурсники училища при Театре имени Вахтангова, приготовили отрывок из «Бесприданницы». У меня была роль Робинзона. Перед показом

я случайно подслушал одного педагога: «Гоша — кандидат на вылет, таланта нет, и никаких перспектив». Оглушенный услышанным, я вышел на сцену не Робинзоном, а просто Роминсоном; молот отсебятину, партнеры оторопело переглядывались, а в зале почему-то смеялись и аплодировали.

— И после этого тебя оставили в училище?

— Более того, мне поставили два плюса к «пятерке!» За мной укрепилось амплу комика! После учебы получил приглашение в Театр сатиры. А также записку: «Сколько вам будут платить у нас, не знаю, а вот играть будете много» и подпись: «Плотников, главный режиссер». С этой запиской я и пришел в театр, который организовывался на Таганке, и прослужил здесь 40 лет.

— Наверно, трудно давались тебе шаги в искусстве?

— Ох, трудно! С годами волнение не исчезает: всякий раз на сцене я стою как на проволоке.

— И что же, ты считаешь, что как актер состоялся?

— В театральных институтах учат играть, петь, танцевать, исправляют дефекты речи. Мне исправили картавость. Но, кроме постижения тайн ремесла, важно то, что зовется этикой, совестью, достоинствами человека, а это приходит

лишь вместе с вечной неуспокоенностью в работе. Я повторял себе: ищи себя, внимай друзьям и недругам, дорожи открытой оценкой своей работы.

— Какая роль для тебя самая дорогая? — Фирс в «Вишневом саде». Трагический персонаж, которых в моем репертуаре больше не было.

— Ну да, ведь ты не сыграл ни Гамлета, ни Макбета, ни Ричарда. Небось хотелось. Зато тебе везло на режиссеров!

— Довелось работать с А. Плотниковым, А. Эфросом, Л. Гайдаем, Э. Рязановым. Эльдара Рязанова вспоминаю с особой теплотой. Мы играли спектакль «Факир на час». За кулисы пришел Рязанов и спросил меня: «Почему вы не снимаетесь?» Я ответил: «Один известный мастер кино сказал, что я не фотогеничен». «Будете сниматься у меня?» Еще бы! И я снялся в нескольких его картинах. Он говорил: «Гоша, не хлопотите лицом» (то есть не гонитесь за внешним эффектом).

— А тебе не кажется, что ты сейчас подхалимичаешь перед Рязановым, вспоминая все это?

— Что ты! А впрочем... Я ведь так давно не снимался.

— Чего же было в твоей жизни больше: счастливых минут или грустных?

— Если спрашивают такое, значит, пора подводить черту. А мне не хочется. Люблю свою работу, свою труппу, где меня называют «академией медицинских наук театра на Таганке» (всех хворых пытаюсь лечить). Как болезни, ненавижу равнодушие. Когда кому-то плохо, стараюсь помочь.

— Что мы с тобой сегодня себе пожелаем?

— Многооточия. Оно означает, что не все еще сказано. Новых ролей, полноты жизни! Верить и надеяться!

«Диалог» записала
Людмила ИВАНОВСКАЯ.

Неделя, 1986, март №13

198